

ВОСПОМНАНІЯ

О С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПЕРВОЙ ДРУЖИНѢ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОДВИЖНАГО ОПОЛЧЕНІЯ.

I.

Привѣтъ къ ополченію. — Начало дружины. — Дворянское собраніе въ февралѣ 1855 года.

Миръ заключенъ (*); страсти утихаютъ.... Когда разсудокъ вступитъ въ свои права, тогда исторія произнесетъ правдивый приговоръ: кто былъ правъ и кто виноватъ въ кончившемся кровопролитіи? Но исторія можетъ разрѣшить этотъ вопросъ лишь тогда, когда *всѣ* документы будутъ обнародованы, когда всѣ тайны дипломатіи не будутъ тайнами. Тѣмъ не менѣе, уже теперь неоспоримыя, всѣмъ извѣстныя данныя приводятъ къ убѣжденію, что не Россія была виновницею пролитія крови многихъ и многихъ тысячъ.... Ей война была объявлена, ее довели до необходимости взяться за оружіе, и Россія показала что можетъ сдѣлать народъ, одушевляемый вѣрою, любовію къ отечеству и къ государю.

Презвычайное посольство князя Меншикова въ Константинополь было слѣдствіемъ натянутыхъ отношеній Россіи къ Портѣ, которая, подъ вліяніемъ западныхъ державъ, не исполняла нашихъ требованій, основанныхъ на договорахъ.

Извѣстно было, что дѣло шло о святыхъ мѣстахъ и о покровительствѣ православнымъ христіанамъ, подвластнымъ турецкому правительству—о такомъ предметѣ, который, по своему значенію, касался не однихъ политическихъ интересовъ Россіи, но и затрогивалъ русское національное чувство.

Дорого поплатилась Турція за вызовъ Россіи на войну:

(*). Воспоминанія эти писаны тотчасъ по окончаніи войны въ 1856 г.

истребленіе турецкаго флота при Синопѣ, побѣды нашихъ войскъ въ Малой Азіи показали, что ожидало надменную Порту... Вмѣшательство Франціи и Англіи дало другой оборотъ распрѣ... Война, перенесенная въ предѣлы Россіи, приняла подѣ Севастополемъ огромные размѣры... Россія должна была напрячь всѣ свои силы противъ вторженія французовъ, англичанъ, турокъ и сардинцевъ... Оказалось нужнымъ вооружить часть народа.

14-го декабря 1854 года состоялся манифестъ, въ которомъ государь, обращаясь ко всѣмъ сословіямъ русскаго народа, выразилъ увѣренность, что если бы обстоятельства потребовали, то всѣ сословія принесутъ свою жертву для чести и славы отечества. Такія слова не остаются у насъ безъ отголоска. Со всѣхъ концовъ Россіи къ престолу монарха повергнуты были заявленія готовности жертвовать состояніемъ, жизнью—ополчиться всѣмъ противъ врага... 29-го января 1855 года состоялся другой манифестъ, которымъ всѣ сословія призывались къ участию въ государственномъ подвижномъ ополченіи.

Податныя сословія приглашались поставить по 40 ратниковъ съ тысячи, отъ 20 до 45 лѣтъ. Дворянству предоставлено было избрать офицеровъ изъ отставныхъ военныхъ и изъ служащихъ гражданскихъ чиновниковъ. Учреждены были губернскіе комитеты для снабженія дружинъ обозомъ, кожаными вещами и шанцевымъ инструментомъ. На уѣздныхъ предводителей и дружинныхъ начальниковъ возложено обмундированіе ратниковъ. Военное вѣдомство имѣло снабдить ратниковъ водоносными фляжками, котелками къ ранцамъ, барабанами, сигнальными рожками, ружьями, порохомъ и распределить по дружинамъ инструкторовъ. Министерству внутреннихъ дѣлъ должно было распорядиться отпускомъ медикаментовъ и хирургическихъ инструментовъ.

Объ успѣхахъ формированія и образованія ополченія можно судить по слѣдующимъ фактамъ. Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ обнародованія манифеста о началѣ формированія ополченія, правительство, не имѣя болѣе нужды въ немъ по заключеніи мира, уволило 323 дружины линейныя, 8 стрѣлковыхъ и 6 саперныхъ, 6 казачьихъ полковъ и команду плотниковъ, изъ татаръ. Дружины эти не только были совершенно готовы, но большая часть изъ нихъ ушли за тысячу верстъ

отъ родины, а многія дружины успѣли и сразиться съ неприятелемъ. Между офицерами и между ратниками были, какъ и въ арміи, герои, украшенные георгиевскими крестами. Самые боевые военные люди отдавали ополченію справедливость относительно мужества, стойкости и благоустройства дружинъ.

Исторія двухъ первыхъ ополченій (во время войнъ съ Наполеономъ) и особенно послѣдняго нашего ополченія была бы не только любопытна, но и поучительна. Она показала бы, до какого развитія могутъ быть доведены внутреннія силы государства въ минуту опасности отъ виѣшнихъ враговъ. Это еще почти нетронутая почва въ нашей военно-исторической литературѣ. Предлагаемыя замѣтки написаны единственно для того, чтобы дать будущему историку матеріалъ, добытый опытомъ участника въ ополченіи (*).

Собраніе с.-петербургскаго дворянства по поводу ополченія началось 13-го февраля 1855 года, въ воскресенье первой недѣли великаго поста. Когда пріѣхалъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Половцевъ вышелъ на середину залы съ манифестомъ и внятно, съ большимъ чувствомъ, прочиталъ воззваніе Государя. Громкимъ „ура!“ отвѣчало дворянство на призывъ своего царя. Затѣмъ генералъ-адъютантъ Игнатьевъ въ короткихъ словахъ выразилъ дворянамъ, что о чувствахъ съ ними говорить не будетъ, потому что у всѣхъ чувства одинаковы въ виду важности современныхъ обстоятельствъ. „Я однимъ счастливъ—заключилъ генералъ-губернаторъ—что буду имѣть право свидѣтельствовать передъ Государемъ Императоромъ о чувствахъ, вами руководящихъ.“

Громкимъ „ура!“ отвѣчали и дворяне С.-Петербургской губерніи, и многочисленные посторонніе посѣтители, находившіеся на хорахъ.

Послѣ молебна, дворяне приступили къ выбору въ кандидаты на должность начальника ополченія С.-Петербургской гу-

(*) Къ такимъ же матеріаламъ для исторіи войны 1854—1856 годовъ слѣдуетъ отнести изданный въ 1857 году „Историческій обзоръ дѣйствій корчевской № 14-го дружины государственнаго подвижнаго ополченія Тверской губерніи“. Этотъ весьма добросовѣстный трудъ принадлежитъ полковнику Лаврентьеву, бывшему начальнику корчевской дружины. Авторъ правдиво описалъ всѣ обстоятельства сформированія дружины, состоявшей подъ его начальствомъ. Книга отличается, кромѣ того, и литературными достоинствами. *Ред.*

бернн. Въ С.-Петербургскомъ уѣздѣ выбрали кандидатами: генерала-отъ-артилеріи А. П. Ермолова, генерала-отъ-артилеріи князя И. Л. Шаховскаго и генераль-лейтенанта М. Н. Муравьева (*).

Въ собраніи дворянъ 14-го февраля, прежде всего принято было предложеніе, чтобы на расходы по ополченію употребить 25,000 руб. сер., заимообразно, оставшіеся съ 1812 года, отъ покупки въ то время дворянствомъ С.-Петербургской губерніи артилерійскихъ лошадей, и деньги эти пополнять по мѣрѣ сбора съ помѣщиковъ. Потомъ приступили къ избранію начальника дружины: выбрали отставнаго генераль-маіора Струкова.

Часа въ два перешли въ залу общаго собранія, гдѣ прочитали результатъ выборовъ, по уѣздамъ, начальника губернскаго ополченія. Генералы Ермоловъ и князь Шаховской предложены были *восьми* уѣздами; генераль Муравьевъ *семью* изъ *восьми*. Онъ объяснилъ однако, что по служебнымъ занятіямъ не можетъ принять столь лестнаго выбора, и сказалъ: „повѣрьте, господа, если придется, я буду всегда въ рядахъ вашихъ“. Положили спросить согласія генерала Ермолова. Затѣмъ прочтенъ былъ проектъ адреса Государю Императору. Наконецъ генераль-маіоръ Струковъ вручилъ губернскому предводителю дворянства запечатанный пакетъ отъ имени статскаго совѣтника Яковлева. По вскрытіи письма оказалось, что въ немъ были вложены банковые билеты на 300,000 р. сер., которые И. А. Яковлевъ жертвовалъ на нужды ополченія.

Въ слѣдующіе три дня происходили выборы дружинныхъ начальниковъ и офицеровъ.

18-го февраля, въ пятницу, еще съ утра разнеслась вѣсть о тяжелой болѣзни Императора Николая Павловича. Не приступая къ дѣламъ, дворянское собраніе въ полномъ составѣ своемъ отправилось въ Казанскій соборъ и отслужило молебенъ о ниспосланіи исцѣленія августѣйшему больному. Послѣ молебна послана была въ Зимній дворецъ депутація узнать о состояніи здоровья Его Величества. Она возвратилась съ извѣстіемъ о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича... Невозможно описать чувство, поразившее всѣхъ при столь неожиданномъ извѣстіи. Зала въ пять минутъ опустѣла...

На другой день, дворяне, присягнувъ Императору Алек-

(*) Бывшаго въ послѣднее время начальникомъ сѣверо-западнаго края.

сандру Николаевичу, составили всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ просили воцарившагося монарха принять увѣреніе дворянства въ неизмѣнныхъ чувствахъ вѣрности, преданности и въ готовности жертвовать всѣмъ для блага, чести и славы Россіи. Дворяне глубоко были тронуты сообщеніемъ губернскаго предводителя, что покойный государь получилъ адресъ ихъ въ послѣднія минуты жизни, очень былъ порадованъ имъ и поручилъ наслѣднику престола благодарить дворянство отъ его имени.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ В. П. Давыдовъ (*), обратясь къ губернскому предводителю, сказалъ: „ваше превосходительство, вы только-что изволили передать намъ, что адресъ нашъ былъ пріятенъ покойному, незабвенному нашему государю. Мы глубоко чувствуемъ это; мы помнимъ завѣтъ Николая—съ крестомъ въ сердцѣ, съ мечемъ въ рукѣ идти для исполненія его предназначеній. Первое нами исполнено: крестъ у насъ въ сердцѣ; для втораго мы собрались здѣсь и желали бы выразить нашу готовность и наши чувства благодарности тому, кто передалъ намъ милостивыя слова покойнаго монарха!“

Губернскій предводитель немедленно послѣ того поѣхалъ во дворецъ и привезъ извѣстіе, что на слѣдующій день (20-го февраля), въ два часа пополудни, Государь Императоръ принимаетъ депутацію с.-петербургскаго дворянства.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни и панихиды въ Казанскомъ соборѣ по усопшемъ государѣ, дворяне собрались въ залѣ собранія ожидать возвращенія депутаціи. Возвратившіеся депутаты съ восторгомъ рассказывали о милостивомъ приѣмѣ ихъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, передавали слова Государя о твердомъ намѣреніи Его Величества отстаивать честь земли Русской и рассказомъ своимъ произвели такое восторженное впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ, что зала огласилась долго неумолкавшими криками „ура!“

21-го и 22-го февраля дворяне занимались обсужденіемъ средствъ и порядка заготовленія матеріаловъ для обмундирования и самой постройки его. Утвердили сборъ съ доходовъ на издержки войны и подписали журналы и протоколы всѣхъ засѣданій. Въ среду 23-го февраля, губернскій предводитель

(*) Нынешній губернскій предводитель дворянства графъ Орловъ-Давыдовъ.
Т. LV. Отд. II.

объявилъ собраніе закрытымъ, и въ этотъ же день слушали рескриптъ Государя Императора, данный на имя губернскаго предводителя.

Въ память всѣхъ обстоятельствъ, касавшихся кончины Императора Николая Павловича и вступленія на престолъ Императора Александра Николаевича, положено было всѣ эти обстоятельства изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ, представить на Высочайшее воззрѣніе и, напечатать, вручить по экземпляру каждому дворянину С.-Петербургской губерніи.

Собраніе с.-петербургскаго дворянства 1855 года, какъ въ послѣдствіи и собранія дворянъ другихъ губерній, было краснорѣчивымъ отголоскомъ пламенныхъ патриотическихъ чувствъ дворянскаго сословія. На долю дворянства выпала честь играть руководящую роль въ народномъ ополченіи, и дворянство доказало, что было достойно столь важнаго назначенія.

II.

Составъ офицеровъ первой дружины. — Первоначальное ея формированіе. — Присытѣ. — Освященіе знамени. — Императорскій смотръ.

Согласно избранію дворянства, Государь Императоръ утвердилъ начальникомъ ополченія С.-Петербургской губерніи генерала-отъ-инфантеріи князя Ивана Леонтьевича Шаховскаго (*). Маститый старецъ, герой на полѣ брани, съ удовольствіемъ принялъ на себя трудныя обязанности по формированію пяти дружинъ, изъ которыхъ должно было состоять с.-петербургское ополченіе.

Какъ быстро была сформирована первая дружина, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: 14-го марта 1855 года принять былъ первый ратникъ, а 27-го мая Государь Императоръ изволилъ уже производить смотръ дружинѣ, и она первая изъ всѣхъ дружинъ имѣла счастье услышать въ этотъ день царское „спасибо“.

Начальникомъ ея дворянство избрало, какъ сказано, отставнаго генералъ-маіора Струкова. Значительное состояніе, большая семья и самыя лѣта не остановили его принять избраніе и обнаруживать постоянную дѣятельность во все время служенія въ дружинѣ. Въ ротные командиры были избраны: дѣй-

(*) А. П. Ермоловъ, избранный дворянствомъ Московской губерніи, былъ высочайше утвержденъ начальникомъ московскаго ополченія.

ствительный статскій совѣтникъ и камергеръ Булычовъ (съ чиномъ маіора), полковникъ князь Шаховской, маіоръ Сороченко и маіоръ Шауманъ (всѣ трое изъ отставныхъ),

Офицерами дружины, по избранію, были утверждены: капитанъ Дейтрихъ; штабсъ-капитаны: камеръ-юнкеръ Галаховъ, Байковъ, Бартоломей, Войтовъ; поручики: Райковскій и Бержинскій; подпоручики: Плаутинъ, Калининъ, Васильчиковъ; прапорщики: Бибиковъ, графъ Кутайсовъ, Семеновъ и Моллеръ.

Нѣкоторые изъ нихъ оставили мѣста въ гражданской службѣ для того, чтобы стать въ ряды ополченія; другіе были изъ отставныхъ военныхъ офицеровъ.

Впослѣдствіи въ составъ офицеровъ произошли слѣдующія перемѣны:

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Булычовъ былъ назначенъ начальникомъ олонцекой стрѣлковой № 1-го дружины; маіоръ Шауманъ—командующимъ вологодскою стрѣлковою № 4-го дружиною; капитанъ Дейтрихъ переименованъ въ коллежскіе совѣтники, съ назначеніемъ дружиннымъ врачомъ; штабсъ-капитанъ Галаховъ перешелъ во 2-й Малороссійскій конный казачій полкъ; поручикъ Райковскій и прапорщикъ Бибиковъ—въ стрѣлковый полкъ Императорской фамилии, подпоручикъ Калининъ—въ олонцкую стрѣлковую № 1-го дружину; прапорщикъ графъ Кутайсовъ—въ нижегородское ополченіе.

Поступили вмѣсто выбывшихъ: капитанъ Степановъ, штабсъ-капитанъ Павловъ, подпоручикъ Тверской (переведенъ изъ гражданской службы), поручикъ Казинъ, прапорщикъ Цыловъ, переведенные изъ другихъ дружинъ; поручики Заворуевъ и Кандиба, подпоручикъ Овцынъ, изъ отставныхъ. Вмѣсто Булычова былъ назначенъ ротнымъ командиромъ штабсъ-капитанъ Галаховъ, а послѣ него подпоручикъ Васильчиковъ. Послѣ маіора Шаумана ротою командовалъ поручикъ Казинъ.

На мѣсто уволеннаго по болѣзни дружиннаго врача коллежскаго совѣтника Дейтриха, на эту должность поступилъ титулярный совѣтникъ Пономаревъ.

Дружиннымъ адъютантомъ во все время существованія дружины оставался штабсъ-капитанъ Байковъ.

Дружиннымъ казначеемъ и квартирмейстромъ сперва былъ штабсъ-капитанъ Войтовъ, а потомъ прапорщикъ Моллеръ.

Сообщая матеріалъ для исторіи послѣдней войны, считаю справедливымъ сохранить имена служившихъ въ дружинѣ офи-

церовъ: всѣ они, въ тяжелое для отечества время, стали въ ряды его защитниковъ и подъ знаменемъ креста трудились по мѣрѣ своихъ силъ и способностей.

Хотя высочайшій приказъ объ опредѣленіи избранныхъ дворянствомъ офицеровъ еще не былъ обнародованъ, однако нужно было спѣшить началомъ формированія дружины, и потому послѣдовало распоряженіе, чтобы избранные въ офицеры ополченія немедленно приступили къ исполненію своихъ обязанностей. И всѣ мы, недѣли три или четыре, несли полувоенную службу, принимали ратниковъ и дежурили во фракахъ. Маіоръ Сороченко, во фракъ и въ круглой шляпѣ, рапортовалъ князю Шаховскому и сопровождалъ начальника губернскаго ополченія, во время посѣщенія имъ въ казармѣ только-что набранныхъ ратниковъ.

Первые ратники приняты были въ дружину 14-го марта. Пріемъ ихъ происходилъ въ казенной палатѣ. По обязанности присутствуя ежедневно при этомъ пріемѣ и составляя пріемные списки, я слѣдилъ за выраженіемъ лица ратниковъ, и могу засвидѣтельствовать, что не видалъ ни одного лица, на которомъ отражались бы или грусть, или неудовольствіе. Лишь немногіе изъ крестьянъ сожалѣли объ оставленной семьѣ; но за то очень многіе радовались, что попали въ ратники. Вообще большая часть выходившихъ изъ присутствія крестилась и говорили: „привелъ Господь послужить царю и святой Руси“. Изъ числа принятыхъ 1,073 ратниковъ, до 80 пошли служить добровольно, не наемщиками за другихъ, а изъ любви къ отечеству. Никогда не забуду одного очень молодаго человека, почти мальчика, горько плакавшаго, что не попалъ подъ мѣру. Считаю долгомъ подробнѣе рассказать о четырехъ, наиболѣе замѣчательныхъ примѣрахъ добровольнаго поступленія въ ратники.

Филиппъ Матвѣевъ. Въ 1812 году онъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ отданъ въ рязанское ополченіе, ходилъ въ походы и по окончаніи отечественной войны возвратился къ своему помѣщику. Впослѣдствіи Матвѣевъ выкупился на волю и записался въ с.-петербургскіе мѣщане. Когда былъ обнародованъ манифестъ о призывѣ ополченія, онъ тотчасъ же подалъ начальнику дружины просьбу о принятіи его на службу сверхъ слѣдующаго отъ мѣщанскаго общества комплекта ратниковъ. На принятіе его послѣдовало высочайшее соизволеніе. Матвѣевъ

получилъ медаль „за усердіе“, и ему разрѣшено было сохранить на фуражкѣ, при крестѣ послѣдняго ополченія, крестъ и вензель „А“ ополченія 1812 года. Несмотря на семидесятилѣтній возрастъ, Матвѣевъ, произведенный скоро въ урядники и назначенный ассистентомъ при знамени, постоянно отличался усердіемъ и исполнительностію; первый былъ въ трудахъ, а въ походѣ служилъ примѣромъ неумоимости молодымъ ратникамъ.

Петръ Шипулинъ, цеховой, слишкомъ пятидесяти лѣтъ, явился въ казенную палату съ двумя своими сыновьями и объявилъ, что желаетъ съ дѣтьми вступить въ ополченіе за кого угодно изъ ремесленнаго общества. Такъ какъ лѣта Шипулина превышали опредѣленные высочайше утвержденнымъ положеніемъ объ ополченіи, то на принятіе его испрашиваемо было согласіе высшаго начальства. Во все время службы Шипулинъ отличался прекраснымъ поведеніемъ и усердіемъ, скоро обратилъ на себя вниманіе и былъ произведенъ въ урядники. Оба сына состояли въ его капральствѣ.

Павелъ Варфоломѣевъ, изъ поварскихъ учениковъ Императорскаго Двора, пожелалъ добровольно идти въ ополченіе, на что и послѣдовало высочайшее соизволеніе. Очень скоро узналъ онъ всѣ обязанности службы, былъ произведенъ въ ефрейторы, потомъ урядники и наконецъ назначенъ старшимъ урядникомъ 3-й роты, т. е. занялъ должность, равносильную фельдфебельской въ полкахъ.

Михаилъ Тизенфельдъ, изъ придворныхъ служителей, огромнаго роста (онъ превышалъ на полголовы самыхъ рослыхъ ратниковъ), вначалѣ фланговой въ первомъ взводѣ, скоро былъ повышенъ въ урядники за знаніе службы и хорошее поведеніе. Онъ поступилъ въ ополченіе съ высочайшаго соизволенія, и Государь Императоръ изволилъ разрѣшить какъ ему, такъ и Варфоломѣеву, по окончаніи службы въ дружину, возвратиться на прежнія мѣста свои при дворѣ.

Кадровые, командированные изъ с.-петербургскаго гарнизоннаго баталіона, сопровождали принятыхъ ратниковъ въ отведенное для ихъ стоянки помѣщеніе въ Екатерингофѣ, гдѣ комерціи совѣтникъ П. И. Пономаревъ предложилъ для того зданія своего завода. Кромѣ того онъ отдалъ въ распоряженіе дружины свою дачу, насупротивъ завода, гдѣ помѣстилась дружинная канцелярія. Комерціи совѣтникъ В. Гр. Жуковъ также

предоставилъ свою дачу въ пользу дружины: въ ней помѣстились дружинные офицеры. Въ самомъ Екатерингофѣ были заняты пустыя строенія завода Лодера; а далѣе, по петергофской дорогѣ, дачи Цырковой и Мусина-Пушкина. По мѣрѣ приѣма, ратники помѣщались сначала на заводѣ Пономарева, потомъ на заводѣ Лодера, и наконецъ въ обѣихъ дачахъ по петергофской дорогѣ. До Святой принято было 700 ратниковъ.

Принятыхъ ратниковъ безотлагательно начинали учить маршировкѣ и ружейнымъ приемамъ. Интересно было видѣть эту пеструю команду, уже начинавшую ходить стройно и правильно: кто во фракъ и въ круглой шляпѣ; рядомъ съ нимъ мастеровой въ халатѣ; подлѣ мужичекъ въ зипунѣ, и т. д. Разнообразіе это происходило болѣе всего оттого, что мѣщанъ и ремесленниковъ принято было въ дружину до 650 человекъ. Къ чести ихъ нужно сказать, что хотя предшествовавшее поведеніе не всѣхъ изъ нихъ было безукоризненно, но въ дружинѣ они вели себя весьма хорошо.

Приемъ въ палатѣ кончился 29-го апрѣля. Къ этому времени первые изъ принятыхъ ратниковъ сдѣлали уже значительные успѣхи по фронту; тѣ, которые поступили послѣ Святой, также скоро перенимали военную выправку, и дѣло шло на ладъ какъ нельзя лучше. Когда ратникамъ сдѣлана была ранжировка, когда они были раздѣлены поротно, когда образованы были взводы, что послѣдовало черезъ мѣсяць, то недавно еще беспорядочныя толпы превратились въ стройныя ряды, и дружина, по своему устройству и наружному виду, мало уступала регулярнымъ баталіонамъ.

Между тѣмъ, подрядчики, договоренные исправлявшимъ должность с.-петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства, коллежскимъ совѣтникомъ Качкою, начали привозить въ дружину предметы обмундированія: шапки съ крестами, кафтаны, шаровары, сапоги. Мало по малу пестрота стала исчезать; ряды ратниковъ принимали однообразный видъ, и къ 1-му мая послѣдніе ратники носили уже опредѣленную для ополченія форму.

Когда дружина окончательно скомплектовалась, предписано было привести ратниковъ къ присягѣ. Это послѣдовало 1-го мая, въ одиннадцать часовъ утра. Погода стояла прекрасная. На большомъ четырехугольномъ дворѣ завода Лодера построилась вся дружина въ каре, поротно, фронтомъ въ середину. На возвышеніи, посреди каре, устланномъ коврами и убран-

номъ цвѣтами, были поставлены аналогіи и стойки съ иконами. Въ тепломъ воздухѣ господствовала такая тишина, что свѣчи передъ иконами горѣли безъ колебанія. Направо, въ домѣ бывшей заводской конторы, въ окнахъ, увѣшанныхъ коврами и убранныхъ цвѣтами, были устроены мѣста для дамъ. Въ воротахъ, по забору, вездѣ, откуда только можно было видѣть необыкновенное зрѣлище, тѣснились любопытные. Въ одиннадцать часовъ приѣхалъ начальникъ дружины, а вслѣдъ за нимъ и главный начальникъ всего петербургскаго ополченія, генераль-отъ-инфантеріи князь Шаховской. Они обошли ряды, и затѣмъ была совершена присяга, кончившаяся благодарственнымъ съ колѣнопреклоненіемъ молебствіемъ.

Въ эту торжественно-умилительную минуту, всѣ мы, и офицеры, и ратники, до сихъ поръ мирные граждане, давая обѣтъ Богу не щадить живота и крови для отечества, особенно глубоко сознавали важность своего призванія. Душа невольно уносилась къ Богу; сердце билось подъ вліяніемъ двухъ чувствъ: любви къ отчизнѣ, сознанія необходимости приносимой нами жертвы, и воспоминаніемъ о семьѣ, о родныхъ, о милыхъ сердцу, которыхъ оставляли, можетъ быть, навсегда.

Послѣ богослуженія дружина прошла пополузводно церемоніальнымъ маршемъ передъ начальникомъ губернскаго ополченія; затѣмъ ратники были разведены по своимъ ротамъ, гдѣ ихъ ожидалъ обѣдъ съ водкой и пирогами. Офицеры собрались въ саду завода Лодера къ завтраку, къ которому, кромѣ женъ, сестеръ и родныхъ дружинныхъ офицеровъ, приглашены были наши гостепріимные хозяева: П. И. Пономаревъ, В. Гр. Жуковъ и А. Л. Пренъ, предоставившій свой огромный дворъ на заводѣ для ученій дружины. Ратники пѣли пѣсни, а въ Екатерингофскомъ паркѣ разгоралось между тѣмъ народное гулянье.

Послѣ присяги начался приемъ амуниціи, оружія, снарядовъ и обоза. Около 10-го мая мы узнали о пожалованіи дружинѣ знамени. 14-го мая, въ домѣ начальника дружины, генераль-маіора Струкова, происходила прибѣвка знамени къ древко. На церемонію эту приглашенъ былъ, по положенію, генералитетъ войскъ, въ С.-Петербургѣ расположенныхъ. Каждый изъ почетныхъ гостей, по старшинству, всѣ офицеры дружины и отряженные урядники и ратники вбивали гвозди въ древко. Генераль-отъ-инфантеріи князь Шаховской вручилъ знамя генераль-маіору Струкову, а тотъ, въ свою очередь, передалъ

его знаменщику, уряднику Поликарпу Савельеву (изъ крестьянъ). На другой день происходилъ въ Екатерингофѣ обрядъ освященія знамени.

Вскорѣ мы узнали о высочайшемъ смотрѣ ополченцевъ. 27-го мая, въ пятницу, дружина ожидала, развернутымъ фронтомъ, Государя Императора на Семеновскомъ плацу. Его Величество объѣхалъ по фронту, поздоровался съ ратниками и приказалъ исполнить ружейные приемы, которыми остался весьма доволенъ. Потомъ дружина, зайдя повзводно направо, прошла мимо Его Величества церемониальнымъ маршемъ скорымъ шагомъ. Послѣ перемѣны дирекціи налѣво, ратники проходили вольнымъ шагомъ и наконецъ, по отдѣленіямъ, съ пѣснями отправились домой. Его Величество выразилъ дружинѣ благодарность, спрашивалъ всѣхъ офицеровъ о прежнемъ ихъ служеніи. На другой день въ высочайшемъ приказѣ объявлено было монаршее благоволеніе штабъ и оберъ-офицерамъ дружины и начальнику губернскаго ополченія, равно и губернскому комитету. Ратникамъ Его Императорское Величество пожаловалъ по рублю серебромъ на человѣка.

Наши двухмѣсячные труды были вознаграждены: мы заслужили царское спасибо и съ радостію узнали о назначенномъ на 7-е іюня походѣ.

III.

Походъ. — Перемѣна знамени. — Выступление. — Сестрорѣцкѣ. — Походъ въ Выборгъ. — Встрѣча дружины и первое ея пребываніе въ Выборгѣ.

Мы знали, что идемъ въ Сестрорѣцкѣ; но куда отправимся потомъ, въ какое положеніе поставятъ насъ перемѣнчивыя обстоятельства войны, все это было намъ неизвѣстно. Незвѣстность естественно заставляла каждаго изъ насъ задумываться, и только мысль сразиться съ непріателемъ, надежда, что, можетъ быть, Богъ позволить и намъ принести свою лепту на защиту отечества, ободряла всѣхъ.

Наканунъ выступления въ походъ дано было знать, что Государь Императоръ изволилъ пожаловать 1-й дружинѣ знамя с.-петербургскаго ополченія 1812 года, а прежнее повелѣно сдать на храненіе въ арсеналь. Трогательно было видѣть Матвѣева, служившаго въ ополченіи 1812 года: онъ испросилъ себѣ, какъ награду, дозволеніе нести знамя изъ арсенала въ дружину. Несмотря на большое разстояніе, отъ Литейнаго

моста черезъ весь городъ до Екатерингофа, старикъ шелъ бодро и съ торжествомъ посматривалъ на присутствовавшихъ. Матвѣевъ говорилъ мнѣ послѣ, что этотъ день онъ считаетъ однимъ изъ счастливѣйшихъ въ своей жизни. Ратники вышли на встрѣчу знамени, съ благоговѣніемъ преклоняли предъ нимъ колѣни и цѣловали его. Ветхая, на концахъ уже нѣсколько изорванная, эта народная хоругвь имѣла глубоко-знаменательный смыслъ. На полотнѣ его изображенъ большой восьмиугольный крестъ съ надписью: „симъ побѣдиши“. Знамя это находилось съ петербургскимъ ополченіемъ подъ Полоцкомъ (гдѣ, какъ извѣстно, ратники проявили рѣдкое мужество), во многихъ другихъ дѣлахъ, и, наконецъ, оно развѣвалось подъ Данцигомъ. Имѣть такую святыню мы считали высокою милостію: она служила намъ залогомъ, что и наша дружина будетъ столько же достойна такого знамени, какъ было его достойно петербургское ополченіе 1812 года.

Къ четыремъ часамъ дружина приготовилась къ выступленію; отслужили, по православному обычаю, молебенъ; простились съ родными и знакомыми и, осѣненные дарованною намъ Царемъ святынею, весело двинулись въ походъ съ пѣснями и плясунами впереди.

Замѣчательно было прохожденіе наше черезъ С.-Петербургъ. Что народъ толпился на улицахъ, бѣжалъ за нами, это не удивительно; но меня тронуло до глубины души то, что при видѣ насъ старики и женщины крестились, осѣняли и насъ крестнымъ знаменіемъ, многіе благословляли иконами и выходили съ ними на встрѣчу ратникамъ. Въ простонародѣ называли ополченныя дружины: *наше войско*; русскій нарядъ и отсутствіе всякой перемѣны въ наружномъ видѣ ратниковъ дѣлали ихъ именно народнымъ войскомъ. Вотъ почему представители народныхъ сословій провожали ополченцевъ какъ родныхъ, какъ дѣтей своихъ.

Около восьми часовъ вечера мы достигли Сестрорѣцкой заставы, за Новой деревней, сдѣлали здѣсь небольшой привалъ, а черезъ часъ пришли въ Лахту, гдѣ намъ, по маршруту, слѣдовало имѣть ночлегъ.

Квартиргеры наши, исполнявшіе свое дѣло въ первый разъ, по неопытности довольно долго разводили дружину, такъ что только около одиннадцати часовъ ночи всѣ были на своихъ мѣстахъ.

Передъ выступленіемъ дружины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ пожертвовалъ сто р. сер. на угощеніе ратниковъ при первомъ ночлегѣ въ Лахтѣ и прислалъ для раздачи ратникамъ на руки двѣсти-пятьдесятъ р. сер. На другой день, въ 9¹/₂ часовъ утра, ударили подъемъ, пробили генераль-маршъ, и вслѣдъ за дежурной ротой, взявшей съ квартиры начальника дружины знамя, всѣ прочія двинулись въ дальнѣйшій походъ.

Въ Сестрорѣцкѣ дружина вступила съ пѣснями, которыя привлекли много любопытныхъ. Кромѣ мѣстныхъ жителей, всѣ находившіяся здѣсь войска вышли посмотрѣть на своихъ новыхъ собратьевъ.

Съ башни дома начальника завода, какъ на ладони, видѣлись Кронштадтъ и англійскій флотъ. Главныя силы непріятеля расположены были у Толбухина маяка; нѣсколько небольшихъ судовъ стояли на якорѣ по направленію къ Сестрорѣцку. Отъ города сначала полемъ, потомъ лѣскомъ пролегаетъ дорога къ такъ называемымъ „Дубнамъ“, рощицѣ дубовъ, посаженныхъ еще Петромъ Великимъ. Съ этой стороны ожидали высадки непріятеля, и потому здѣсь устроили телеграфъ, который англичане бомбардировали спусти нѣсколько дней послѣ нашего выступленія.

9-го іюня получили мы предписаніе: выступить на слѣдующій день въ Бѣлоостровъ, откуда на перевозочномъ паркѣ отправиться въ Выборгъ. 10-го числа, къ восьми часамъ утра, дружина построилась развернутымъ фронтомъ у церкви; генераль-лейтенантъ Мерхелевичъ, начальникъ гвардейской артиллеріи и командовавшій войсками отъ С.-Петербурга до Выборга включительно, пропустилъ дружину мимо себя по отдѣленіямъ, остался весьма доволенъ, благодарилъ ратниковъ и пожелалъ имъ счастливой дороги.

Десятиверстный переходъ до Бѣлоострова мы сдѣлали весьма легко и не замѣтили, какъ дошли до деревни г-жи Каждановой, огромной и населенной: здѣсь находится известная писчебумажная фабрика. Пѣсни ратниковъ вызвали на улицу и стараго и малаго, и наше шествіе было вполнѣ триумфальное. Старики дивились новому войску и набожно крестились, желая намъ счастливаго пути; молодые парни весело примкнули къ пѣсникамъ; дѣвушки робко посматривали на нашихъ молодцовъ-ратниковъ. Въ Бѣлоостровѣ насъ ожидалъ перевозочный паркъ

изъ 250 телѣгъ, большихъ, просторныхъ, запряженныхъ каждая парю добрыхъ лошадей. Для присмотра за повозками находились при отрядѣ фурштатскіе солдаты верхомъ, и кромѣ того чиновники отъ земства и отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, для наблюденія, чтобы лошади дорогой были сбережены. Данныя намъ подводы составляли лишь четвертую часть перевозочнаго перваго парка. Парки эти были снаряжены разными сословіями нѣсколькихъ губерній. Расположенные около Петербурга, они давали главнокомандующему возможность сосредоточивать на каждомъ пунктѣ ввѣреннаго ему края значительное количество войска.

Помѣстившись по четыре и по пяти человѣкъ на телѣгѣ, отправились мы, рано утромъ, 11-го іюля, изъ Бѣлоострова, имѣли привалъ въ Кавинебѣ, гдѣ толстая шведка, весьма порядительная особа, самымъ лучшимъ образомъ насытила наши проголодавшіеся желудки, и ночевали въ Кюрюля, сдѣлавъ, въ тотъ день, безъ малѣйшей усталости 52 версты. На другой день, вечеромъ, прибыли въ Выборгъ.

Не доѣзжая версты три до города, дружина сошла съ телѣгъ, построилась, вступила въ форштатъ и повернула на поляну, гдѣ встрѣтили ее военный губернаторъ, комендантъ, служащія лица и почетнѣйшіе граждане. Дружина прошла церемоніальнымъ маршемъ, затѣмъ построилась въ колонну и слушала краткій молебень. По окропленіи святой водой, ратники подходили къ устроеннымъ столамъ, гдѣ каждый получилъ по чаркѣ водки и по булкѣ. Офицерамъ приготовлена была закуска въ лѣтнемъ домикѣ.

Для расположенія дружины раскинуты были палатки за форштатомъ, на высокой полянѣ, около церкви, лицомъ къ городу и къ морю. Первые три дня занимались устройствомъ лагеря, сдѣлали дорожки, усыпали пескомъ, натянули палатки и обложили ихъ дерномъ. Съ утра до вечера трудились безъ усталости: мысль, что мы въ составѣ дѣйствующаго войска, придавала силы всѣмъ и каждому. Въ одинъ изъ самыхъ первыхъ дней нашего пребыванія, Великій Князь Николай Николаевичъ изволилъ посѣтить Выборгъ, осматривалъ работы по инженерной части, а вечеромъ, передъ отъѣздомъ, изъявилъ желаніе видѣть дружину. Мы полагали встрѣтить Его Высочество въ лагерѣ, но получили приказаніе ожидать Великаго Князя на большой дорогѣ, въ разстояніи одной версты. Опряметью по-

бѣжали ратники и офицеры черезъ поля, дороги и рвы и успѣли выстроиться. Великій Князь подѣхалъ въ коляскѣ, поздоровался съ ратниками. За отвѣтомъ: „здравіе желаемъ, Ваше Императорское Высочество“, грянуло „ура!“, ратники бросились къ коляскѣ и схватили за колеса экипажъ. Тройка стала... Великій Князь милостиво обратился къ ратникамъ: „прощайте, ребята!“ „Прощайте, Ваше Высочество, счастливой дороги“. Лошади тронули; но опять загремѣло „ура!“ и опять стала коляска... Ратникамъ не хотѣлось расставаться съ дорогимъ гостемъ.

16-го іюня дружина начала отправлять службу въ крѣпости Выборгѣ. Предписано было давать ежедневно по 200 человѣкъ на фортификаціонныя работы, а съ 20-го іюня дружина была помѣщена на островахъ первой и второй оборонительныхъ линій.

IV.

Дѣло 1-го іюля.—Занятія дружины въ первой и во второй оборонительныхъ линіяхъ.—Возвращеніе въ кр. Выборгъ.—Занятія до выступленія.— Артиллерійская прислуга.

Такъ какъ появленія непріятеля ожидали со стороны моря, то и укрѣпляли сильнѣе ту сторону крѣпости, которая обращена къ морю. Выборгскій заливъ, расширяясь отъ Выборга въ обѣ стороны и заключая въ себѣ много острововъ, въ шести верстахъ отъ города суживается до четверти версты ширины. Здѣсь, на обоихъ противоположныхъ берегахъ, устроены были: на правомъ двѣ батареи, называемыя морскія № 1-й и 2-й, на лѣвомъ одна, № 3. Въ недалекомъ отъ этого берега разстояніи лежитъ островокъ, на которомъ видны слѣды старинныхъ укрѣпленій. На немъ построили правильный редутъ и соединили перемычкой съ лѣвымъ берегомъ. Полуостровъ, на которомъ стояли морскія батареи, называется Гейкесъ-Неми.

Далѣе впередъ заливъ снова расширяется и снова суживается въ шести верстахъ, гдѣ двумя проливами соединяется съ настоящимъ заливомъ. Лѣвый проливъ называется Трангзундскимъ, а правый Пильскимъ. Островъ, образующій между ними раздѣленіе, носитъ названіе Равенсари; отъ него въ большой заливъ идутъ шхеры. Еще лѣвѣе отъ Трангзундскаго — проливъ Кирко-Немскій; но здѣсь непріятель едва ли могъ пройти, во-первыхъ потому, что проливъ былъ совершенно

загражденъ, а во-вторыхъ, для того требовался слишкомъ большой обходъ. Въ полуверстѣ или менѣе отъ Равенсари, по направленію къ Выборгу, лежитъ островъ Турки-Сари, названный Николаевскимъ съ тѣхъ поръ, какъ Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ самъ назначилъ на немъ мѣсто для батареи, названной также Николаевскою. Направленъ отъ этого острова, тоже въ полуверстѣ, уже на материкъ — деревня Писпансари.

Островъ Равенсари имѣетъ довольно значительное возвышеніе къ Выборгу, нѣсколько обрывистое къ морю; къ сторонѣ же шхеръ возвышенность отлога, а берега низменны. На лѣвомъ берегу порядочная деревня, которая, въ мирное время, вела заграничную торговлю. На Николаевскомъ островѣ со шхерной стороны огромная скала, вершина которой господствуетъ надъ всею окрестною мѣстностію. Здѣсь-то Великій Князь и заложилъ батарею.

Такъ какъ непріятель, въ минувшемъ году, безнаказанно прогуливался по Трангзундскому проливу, то и рѣшили воспрепятствовать ему въ томъ на будущее время. На Равенсари помѣстили 70 человѣкъ штуцерныхъ 3-го учебнаго карабинернаго полка, подъ командою подпоручика Николаева, сто человѣкъ саперъ, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Воцинина, финскихъ стрѣлковъ и двѣ роты нашей дружины. Всѣмъ равенсарскимъ отрядомъ командовалъ 1-й дружины полковникъ князь Шаховской. При двухъ ротахъ ея находились: поручикъ Райковскій, подпоручики Плаутинъ и Калининъ и прапорщикъ графъ Кутайсовъ. 24-го іюня, четвертая рота дружины, штабсъ-капитана Галахова, перевезена была на островъ Николаевскій, гдѣ вступила подъ команду капитана Сосновскаго, 3-го учебнаго полка. Здѣсь уже были двѣ роты этого полка и сто человѣкъ саперъ.

Острова Равенсари и Николаевскій образовали первую оборонительную линію; морскія батареи и редутъ — вторую линію. Обѣими линіями завѣдывалъ капитанъ 2-го ранга Рудаковъ; но въ случаѣ присутствія командира учебнаго сапернаго баталіона, полковника Кренке, производившаго инженерныя работы, этотъ послѣдній принималъ командованіе первою оборонительною линіею, а капитанъ Рудаковъ второю и флотиліею канонирскихъ лодокъ. Канонирскихъ лодокъ было восемь; онѣ стояли между Туркисари и Писпансари. Пароходы „Тосна“,

капитанъ-лейтенантъ Опочининъ, и „Выборгъ“, корпуса флотскихъ штурмановъ подполковникъ Суботинъ, ежедневно ходили изъ Выборга на острова, развозили пищу, буксировали баркасы съ орудіями и припасами и, въ случаѣ нужды, имѣли назначеніе буксировать канонирскія лодки. Дежурный пароходъ оставался на ночь у острова Равенсари.

Отъ лѣвой оконечности этого острова къ Трангзунду, устроена была еще въ минувшемъ году преграда. Полковникъ Кренке предположилъ сдѣлать подобную ей и въ Пильскомъ проходѣ, для чего вязали туры, набивали ихъ камнями и опускали въ воду. На оконечности трангзундской преграды заложили батарею, которая могла бы обстрѣливать Трангзундскій проливъ продольными выстрѣлами.

Таково было расположеніе войскъ, въ обѣихъ оборонительныхъ линіяхъ, передъ 1-мъ іюля. Въ первой линіи не находилось къ тому времени ни одного орудія; вторая, совершенно вооруженная, могла встрѣтить непріятеля каждую минуту. 1-го іюля, въ пятницу, въ первомъ часу дня, подошли къ Трангзундскому проливу англійскій фрегатъ „Арrogантъ“, корветъ „Мажисень“ и трехмачтовая винтовая канонирская лодка „Рюби“. Посланный, въ началѣ перваго часа, на островъ Равенсари начальникомъ дружины, по дѣламъ службы, я шелъ возлѣ капитана 2-го ранга Рудакова (который, за отъѣздомъ полковника Кренке въ С.-Петербургъ, командовалъ первою оборонительною линіею). Съ нами былъ полковникъ князь Шаховской. Вдругъ мы увидѣли на трангзундскомъ телеграфѣ красный флагъ—знакъ приближенія непріятеля. Поднявшись на высоту, съ бруствера устраиваемой батареи мы могли ясно отличить мачты изъ-за лѣса. Капитанъ Рудаковъ успѣшилъ сдѣлать слѣдующія распоряженія на случай нападенія: отряду канонирскихъ лодокъ приказалъ стать на высотѣ Николаевской батареи такъ, что онѣ могли удобно двинуться въ Пильскій или Трангзундскій проливы, смотря по тому, куда бы вздумалъ направиться непріятель; назади, поодаль, поставленъ былъ пароходъ „Выборгъ“, получившій назначеніе служить перевозочнымъ пунктомъ. Пароходъ „Тосна“ посланъ въ крѣпость Выборгъ за орудіями на Николаевскую батарею; штудерные 1-го учебнаго полка получили приказаніе засѣсть по берегу за брустверомъ начатой батареи и въ оврагахъ; двѣ роты дружины и саперы стояли за возвышеніемъ и составляли резервъ.

Корветъ подвигался медленно впередъ и въ началѣ третьяго часа сталъ бортомъ прямо противъ пролива, такъ что мы ожидали открытія огня. Постоявъ нѣсколько минутъ, онъ пошелъ опять впередъ. Баркасъ дѣлалъ впереди его промѣры. Наконецъ корветъ, остановившись у Кирко-Немскаго пролива, бросилъ якорь въ заливѣ, образуемомъ выгнутымъ берегомъ острова Урамъ-Сари (Тупаланлахта), лежащаго позади Трангзундскаго пролива. Фрегатъ нѣсколько разъ пытался пробраться туда же, но, сидя глубоко въ водѣ, отошелъ за Кирко-Немскій проливъ и сталъ лагомъ къ Трангзунду. Канонирская лодка и баркасы поддерживали между ними постоянное сообщеніе. Мы ясно видѣли людей на реяхъ, смотрѣвшихъ на насъ въ зрительныя трубки; вымпелы и флаги на судахъ были въ постоянномъ дѣйствіи.

Около четырехъ часовъ, князь Шаховской пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ обѣду, который мы провели весьма пріятно. Между тѣмъ, движеніе непріятельскихъ судовъ усилилось, и около семи часовъ винтовая лодка „Рюби“ съ нѣсколькими баркасами стали у входа въ Трангзундскій проливъ. Мы были насторожѣ, всѣ на своихъ мѣстахъ. Въ началѣ восьмаго, пароходъ „Тосна“ пришелъ съ лодкою, нагруженною орудіями для вооруженія Николаевской батареи. На пароходѣ прибыли выборгскій военный губернаторъ и командующій войсками генераль-маіоръ Теслевъ и начальникъ 1-й дружины генераль-маіоръ Струковъ. Осмотрѣвъ войска на Равенсари, расположеніе непріятельской эскадры и убѣдившись въ принимаемомъ канонирскою лодкою направленіи, генераль-маіоръ Теслевъ перѣхалъ на Николаевскій островъ, взявъ съ собой штабсъ-капитана Воцинина, для скорѣйшаго вооруженія Николаевской батареи. Пароходъ „Выборгъ“ принялъ отъ „Тосны“ грузовую лодку и подвезъ ее къ самой почти пристани Николаевскаго острова, а пароходъ „Тосна“ возвращался на якорную стоянку, за Равенсари. Въ это время непріятельская канонирская лодка, предшествуемая двумя челноками и окруженная семью баркасами, медленно, дѣлая промѣры, подвигалась къ Трангзунду; у поворота въ Пильскій проходъ она остановилась, почему капитанъ 2-го ранга Рудаковъ передалъ нашимъ канонирскимъ лодкамъ приказаніе идти на Пильскій проливъ. Спусти нѣсколько минутъ, „Рюби“ двинулась опять впередъ; не доходя саженъ трехсотъ до Равенсари, на бортъ его взвился дымокъ

и ядро рикошетировало уже около „Тосны“. Нашъ пароходъ тотчасъ отвѣтилъ на вызовъ; но его малокалиберныя пушки не могли нанести неприятелю никакого вреда. Продолжая перестрѣлку съ „Тосною“, „Рюби“ подвигалась впередъ и наконецъ наткнулась на транзундскую преграду. Между тѣмъ, нашимъ канонирскимъ лодкамъ послано было приказаніе повернуть изъ Пильскаго прохода и, при первой возможности, открыть огонь черезъ островъ. Штуцерные, воспользовавшись замѣшательствомъ, происшедшимъ отъ встрѣчи преграды, открыли меткій учащенный огонь. Англичане отвѣчали на него сперва изъ штуцеровъ, но потомъ обратили на островъ все свои орудія; когда же наши канонирскія лодки открыли огонь изъ-за острова, то фрегатъ и корветъ начали стрѣлять и по Равенсари, а съ рей стали пускать ракеты. Мы подошли къ откосу и засѣли за нимъ. Ядра, гранаты, картечь, штуцерныя пули и ракеты безпрестанно пролетали надъ нами и ломали деревья. Одно ядро, ударившись о камень, осыпало осколками начальника дружины и большую часть офицеровъ. Мы чувствовали жаръ отъ ракетъ; срѣзанныя ими иглы сосенъ осыпали насъ. Въ эту минуту одинъ изъ посланныхъ въ передовую штуцерную цѣпь узнать, не дѣлаетъ ли неприятель высадки, вернулся съ извѣстіемъ, что лодка пристаетъ къ берегу. Наши роты выстроились; но тревога оказалась напрасною: неприятель не высаживался, а поворачивалъ назадъ. Ядромъ нашимъ пробито англійскій баркасъ, который и пошелъ ко дну. Во время случившейся при этомъ суматохи, штуцерные наши нанесли, очевидно, чувствительный уронъ противнику, потому что неприятельскіе выстрѣлы стали рѣже; наши же канонирскія лодки не переставали стрѣлять. Принужденные отступить, англичане, въ безсильной злобѣ, зажгли ракетой деревню и дѣсь.

Вся честь дѣла, по справедливости, принадлежит морякамъ. Вышедши изъ-за Пильскаго прохода, канонирскія лодки наступали фронтомъ поперекъ залива, между островами Николаевскимъ и Равенсари, придерживаясь правымъ флангомъ къ послѣднему. Три неприятельскіе баркаса успѣли перебраться черезъ преграду, прежде чѣмъ флотилія наша выстроилась въ боевой порядокъ, и наши канонирскія лодки были осыпаны бомбами, картечью и ракетами. Въ этотъ моментъ, капитанъ-лейтенантъ фонъ-Флотовъ, командовавшій, вмѣсто капитана Рудакова, флотиліей, мужественно исполнилъ свою обязанность:

подъ градомъ выстрѣловъ, развѣзая на легкомъ челнокѣ, онъ выстроилъ въ порядокъ все лодки и, держась на веслахъ, открылъ столь сильный огонь, что вышедшіе за преграду неприятельскіе баркасы принуждены были отступить, а одинъ изъ нихъ, наиболее поврежденный, выбросивъ за бортъ свой грузъ, былъ взятъ другимъ баркасомъ на буксиръ.

Около двухъ часовъ находился равенсарскій отрядъ подъ жестокимъ огнемъ. Наши ратники и саперы, большею частію изъ рекрутъ, спокойно и съ любопытствомъ слѣдили за полетомъ бомбъ и ракетъ, и если не понесли потери, то единственно по причинѣ превосходно-выбранной позиціи. Молодцами показывали себя ополченцы подъ огнемъ: шутки и остроты слышались со всехъ сторонъ. Подъ-конецъ ратники стали различать выстрѣлы по звуку. „Ничего ребята, наша!“ говорили они, когда звукъ былъ громче, потому что наши лодки находились ближе къ намъ и на открытой мѣстности; „держиись, чужая!“ и, дѣйствительно, пролеталъ надъ головой какой-нибудь иноземный гостинецъ.

Когда перестрѣлка кончилась, ратники пошли по острову искать снарядовъ и потѣшались, находя ядра, пули и ракетныя трубки. Между тѣмъ, капитанъ Рудаковъ, имѣя въ виду, что на Равенсари не было ни одного орудія, что пожаръ можетъ распространиться по всему острову и что неприятель, пользуясь этимъ, возобновитъ съ разсвѣтомъ канонаду, перевелъ саперъ на Николаевскій островъ, а намъ велѣно было сѣсть на лодки и плыть прямо на Писпансари. Проходя мимо канонирскихъ лодокъ, мы поздравляли ихъ съ успѣхомъ, спрашивали о пробоинахъ, о раненыхъ и радовались счастливому окончанію дѣла. Съ нашей стороны убитъ былъ одинъ штуцерной 1-го Учебнаго полка; ранены 1-го резервнаго сапернаго баталіона прапорщикъ Штальманъ, два штуцерныхъ и семь матросовъ 25-го экипажъ. Поврежденій значительныхъ не оказалось; одно ядро пробито лодку и прошло близъ самой крѣпости-камеры, но лодка осталась цѣла, а пробоину тутъ же задѣлали. Какъ великъ былъ уронъ неприятеля, можно судить по тому, что англичане, имѣя до 600 человѣкъ на баркасахъ, не отважились на высадку. Спустя нѣсколько дней, мы видѣли плавающія тѣла; взяли на водѣ гюйсъ и сигнальную книгу и нашли тѣло убитаго лейтенанта Сторри, котораго съ почестями похоронили на островѣ Равенсари и

поставили ему памятникъ. Капитанъ Эльферстонъ, начальникъ эскадры, донесъ, между прочимъ, англійскому морскому министерству, будто на Равенсари была сильная батарея.

Когда мы переправились на Писпансари, командиръ отряда пожелалъ удостовѣриться, нѣтъ ли непріятеля на Равенсари. Дружины нашей прапорщикъ графъ Кутайсовъ, съ нѣсколькими ратниками и матросами, отправился на островъ, обходилъ его весь и доставилъ извѣстіе, что непріятеля нѣтъ.

Между тѣмъ, на Николаевскомъ островѣ, несмотря на огонь непріятеля, работали съ необыкновеннымъ усердіемъ всю ночь, такъ что къ слѣдующему утру три орудія встали на скалу, поставили на свои мѣста и снабдили всѣмъ нужнымъ.

По докладу Государю Императору, Его Величество изволилъ приказать благодарить всѣ войска, бывшія въ дѣлѣ. 9-го іюля пріѣхалъ въ Выборгъ Великій Князь Николай Николаевичъ, обнялъ и поцѣловалъ капитана 2-го ранга Рудакова и вручилъ ему орденъ св. Владиміра 4-й степени съ мечами; подпоручику Николаеву, бывшему со штуцерными, пожалованъ орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами, а раненому прапорщику Штальману — св. Анны 4-й степени, съ надписью: „за храбрость“. На всѣ части войскъ, бывшія въ дѣлѣ, дарованы были георгіевскіе кресты; на дружину три, по одному на роту. Морскіе офицеры получили всѣ именныя высочайшія благоволенія и другія награды; карабинерные и мы, ополченцы, именныя благоволенія, а 1-й дружины полковникъ князь Шаховскій и подпоручикъ Плаутинъ, сверхъ того, орденъ св. Анны, первый — 3-й степени съ мечами, а второй — 4-й степени, съ надписью: „за храбрость“.

Начальникъ дружины предоставилъ самимъ ратникамъ избрать изъ среды своей наиболѣе достойныхъ къ полученію ордена св. Георгія. По общему приговору награждены были знаками военного ордена: 1-й роты — Иванъ Шепелевъ, 2-й роты — Иванъ Селецкій, 4-й роты — Коментарастъ Панфиловъ.

Въ приказѣ графа Ридигера, главнокомандующаго гвардейскими и гренадерскимъ корпусами, отъ 13-го іюля, было сказано:

„Въ отраженіи покушенія непріятеля, 1-го сего іюля, проявляясь чрезъ Трансзундскій проливъ, преддверіе Выборга, участвовали, въ числѣ прочихъ, три роты с.-петербургской дружины № 1-го государственнаго ополченія.

„Государь Императоръ, въ монаршемъ вниманіи къ первому успѣху, въ которомъ приняло участіе ополченіе, двѣ роты коего обороняли проходъ, а одна продолжала вооруженіе Николаевской батареи подъ выстрѣлами непріятеля, всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать упомянутой дружинѣ три знака военного ордена. Слѣшу объявить о семъ по вѣрнымъ мнѣ войскамъ.“

„Милость сія краснорѣчивымъ словомъ относится ко всѣмъ вамъ, православные ратники, готовые съ крестомъ на челѣ стоять грудью за отечество. Награждая усердіе, съ которымъ вы ополчились на брань, она поощряетъ васъ на вѣрную и славную службу Царю. Видите, сколь близки вы сердцу Цареву, сколь свѣтлыя очи Его на каждомъ изъ васъ. Кто изъ васъ послѣ этого не отдастъ жизни своей, чтобы утѣшить Государя, готоваго награждать насъ выше заслугъ? Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ ротахъ государственнаго народнаго ополченія, при собраніи всѣхъ ратниковъ.“

6-го іюля, по распоряженію военного начальства, и 3-я рота нашей дружины отправилась на островъ Николаевскій; 2-я и 4-я роты переведены были на островъ Равенсари, а 1-я на Гейкесъ-Неми, въ видѣ прикрытія къ морскимъ батареямъ. Въ такомъ расположеніи роты оставались до возвращенія въ крѣпость Выборгъ, которое послѣдовало 23—26-го августа.

На островахъ роты имѣли два назначенія: служить въ дѣлѣ прикрытіемъ батарей, а въ другое время строить укрѣпленія. Работа производилась весьма усиленная, даже по праздникамъ: задуманные недавно верки желали окончить какъ можно поспѣшнѣе. Канонирскія лодки были разоружены и затоплены въ Пильскомъ проходѣ, орудія же съ нихъ пошли на батареи. На Равенсари построили редутъ и нѣсколько батарей; на маленькихъ островахъ, между Равенсари и Николаевскимъ, тоже явились батареи; Николаевскую расширили и пониже прибавили еще двѣ небольшія. Всѣ эти укрѣпленія были возведены руками ратниковъ и карабинеровъ.

Въ лагерь, подъ крѣпостію, оставался, для охраненія знамени, сводный взводъ отъ всѣхъ четырехъ ротъ. Знамя хотя и было отправлено 6-го іюля при третьей ротѣ на Николаевскій островъ, но 10-го того же мѣсяца, по приказанію генералъ-лейтенанта Мерхилевича, возвращено въ лагерь.

Кромѣ того оставались въ крѣпости патрончики, для при-

готовления патроновъ съ французскими пулями къ ожидаемымъ ударнымъ ружьямъ.

4-го іюля, высочайшимъ приказомъ, генераль-отъ-инфантеріи князь Шаховской былъ уволенъ отъ званія начальника ополченія С.-Петербургской губерніи, и наша дружина, вмѣстѣ съ прочими дружинами С.-Петербургской губерніи, поступила въ завѣдываніе сенатора тайнаго совѣтника Зурова, назначеннаго завѣдывать всѣми дружинами, состоявшими въ распоряженіи графа Ридигера. По части же хозяйственной и по личному составу, онѣ подчинялись непосредственно сенатору Зурову; въ строевомъ и боевомъ—штабу гвардейскихъ и гренадерскаго корпусовъ и полкамъ, при которыхъ состояли. Первая дружина въ Выборгѣ числилась при 1-мъ Учебномъ карабинерномъ полку, а потомъ причислена была къ Преображенскому резервному.

Офицеры первой дружины, увидѣвъ на дѣлѣ необходимость перевязочныхъ вещей, приобрѣли на свой счетъ бинты, корпію, компресы, носилки накидные и носилки съ ручками, тесемки и прочія принадлежности. Вещи эти были равномерно распределены между ротами; но въ употребленіи имъ быть не привелось.

10-го іюля, часу въ шестомъ вечера, на транзундскомъ телеграфѣ выкинули красный флагъ. Оказалось, что непріятельскій пароходъ сталъ на мель. Утромъ онъ снялся съ мели и ушелъ въ море.

8-го августа, въ десятомъ часу утра, показались въ шхерахъ три непріятельскія судна: фрегатъ „Арrogантъ“ и двѣ канонирскія лодки. Около перваго часа они прошли лѣвѣе, къ деревнѣ Макслаксу, но вечеромъ вернулись и стали на якорѣ у Тупирамсари. 9-го августа, несмотря на сильную бурю, непріятельскія суда сожгли два телеграфа на Тупирамсари, но положенія своего какъ въ этотъ день, такъ и въ слѣдующіе два дня не измѣняли. 12-го августа, въ шесть часовъ утра, непріятельская флотилія скрылась изъ вида.

Возвращеніе дружины съ острововъ въ лагерь подѣ крѣпость Выборгъ было необходимо въ гигиеническомъ отношеніи. Утомленные постоянными работами, непривыкшіе жить на открытомъ воздухѣ, ратники начали заболѣвать лихорадкою. Съ возвращеніемъ въ городъ болѣзнь прекратилась, особенно когда,

въ послѣднихъ числахъ августа, дружину перевели на постой въ Петербургскій форштатъ.

Во время расположенія на квартирахъ, начиная съ 1-го сентября, дружина ежедневно посылала 250 человекъ на работы по укрѣпленію Выборга: насыпали валъ, траверсы, вызали туры и фашины. Съ 3-го по 7-е октября посылали по 200 человекъ; 7-го, 8-го и 9-го—по 150; съ 10-го по 14-е—по 100. Съ праздника Воздвиженія Креста работы прекратились, по причинѣ дождей и холода.

Еще въ концѣ августа привезли намъ новыя ружья, ударныя, вмѣсто первоначально выданныхъ кремневыхъ. 18-го октября, завѣдывающій всѣми дружинами, тайный совѣтникъ Зуровъ, производилъ инспекторскій смотръ первой дружинѣ и остался весьма доволенъ фронтовымъ образованіемъ и вывскою ратниковъ. Потомъ онъ присутствовалъ при цѣльной стрѣльбѣ: на трехстахъ шагахъ, среднимъ числомъ, третья пуля попадала въ круги.

Такъ какъ вооруженіе береговъ Балтійскаго моря потребовало много прислуги къ орудіямъ, а артиллеристовъ оказалось недостаточно, то главнокомандующій приказалъ обучать известное число ратниковъ отъ каждой дружины артиллерійской службѣ при орудіяхъ. Отъ нашей дружины отдѣлены были 143 ратника, образовавшіе особую команду, которая поступила въ завѣдываніе выборгскаго артиллерійскаго гарнизона. По отзвѣ мѣстнаго начальства, ратники хорошо поняли свое дѣло и служили при орудіяхъ какъ настоящіе артиллеристы.

Послѣ инспекторскаго смотра, по случаю выступленія изъ Выборга 3-го учебнаго карабинернаго полка, первая дружина заняла караулы въ крѣпости и ожидала со дня на день распоряженія о возвращеніи въ С.-Петербургскую губернію на зимнія квартиры.

V.

Воспоминаніе о Выборгѣ. — Стоянка въ Токсовѣ.—Пребываніе въ С.-Петербур-
гѣ. — Плотники. — Зимнія квартиры въ окрестностяхъ Петербурга. — Возвращеніе въ С.-Петербургъ.

По распоряженію гвардейскаго штаба, 1-я дружина должна была расположиться на временныя квартиры въ Петербургскомъ уѣздѣ, въ районѣ села Токсова. Мы прибыли сюда 13-го ноября 1855 года.

На пребываніе въ Выборгѣ мы жаловаться не имѣли при-

чинъ. Сначала нельзя было составить себѣ знакомства за недостаткомъ общества лѣтомъ, когда всѣ помѣщики уѣзжаютъ въ свои окрестныя помѣстья. Опустѣнію Выборга въ этомъ году еще болѣе способствовали близость непріятеля и страхъ нападенія. Но оставшіеся въ городѣ жители тѣмъ не менѣе веселились, проводя вечера или въ Лѣтнемъ саду (Зоммергартенъ), или въ Санта-Аннѣ. За 10 к. весь вечеръ можно было слушать военную музыку, а потомъ любоваться иллюминаціею, т. е. какимъ-нибудь фантастическимъ транспарантомъ и бумажными фонарями, развѣшанными на веревочкахъ по аллеямъ. Въ Лѣтнемъ давались сельскіе балы, на которыхъ дамы, въ скромныхъ кисейныхъ платьяхъ и въ шляпкахъ, танцевали со всѣми, кто ихъ только приглашалъ; кавалеры же, большею частію прикащики изъ магазиновъ, одѣтые во всемъ парадѣ, въ бѣлыхъ жилетахъ и въ такихъ же галстукахъ, усердно предавались танцевальному механизму и, на сколько я замѣтилъ, почти ничего не говорили со своими дамами. Такимъ образомъ проводилось время отъ 8 до 12 часовъ вечера. Тутъ же, на открытомъ воздухѣ, можно было за 30 к. сер. имѣть закуску (сексу), да еще какую! На шести тарелочкахъ подавали въ количествѣ достаточномъ на двоихъ кильки (непремѣнно), рѣдку подъ прованскимъ масломъ (также непремѣнно), холодную говядину ломтиками подъ уксусомъ, свѣжую семгу, сыръ, солонину. Это обыкновенный составъ сексы; но послѣднія кушанья иногда мѣняются по желанію требователей.

Въ главной гостиницѣ, на площади, въ половинѣ втораго, бывалъ ежедневно общій столъ изъ четырехъ порядочныхъ блюдъ, стоившій 50 к. сер., кромѣ закуски передъ обѣдомъ, которая бесплатно подавалась въ особой комнатѣ.

Къ осени, когда помѣщики начали мало по малу собираться въ городъ, открылись балы на водахъ и въ той же гостиницѣ. Балы на водахъ были частные, а въ гостиницѣ давалъ ихъ городъ, который на этотъ случай предоставлялъ и залы магистрата, прилегающія къ гостиницѣ. На балахъ танцевали вообще съ увлеченіемъ, что называется до упаду, и господствовала непринужденность.

Два бала, во время нашего пребыванія, привлекли особенное вниманіе выборгской публики. Они, дѣйствительно, отличались своею оригинальностью. Первый изъ нихъ данъ былъ 27-го іюля, на Николаевскомъ островѣ (Турки-Сари). Въ этотъ

день происходило освященіе возведенной здѣсь по указанію Великаго Князя Николая Николаевича и названной въ честь Его Высочества Николаевской батареи. По заблаговременно разосланнымъ приглашеніямъ, въ одиннадцать часовъ утра пароходы „Госна“ и „Выборгъ“ ожидали пассажировъ на Абовской пристани. Черезъ 40 минутъ съ небольшимъ пароходы бросили якорь противъ острова, котораго нельзя было теперь узнать: такъ полковникъ Кренке изукрасилъ его. Отъ пристани и до вершины скалы вела широкая дорожка, усыпанная пескомъ и обставленная елками; на вершинѣ скалы красовалась, во всемъ своемъ грозномъ величіи, повенъкая, чистенькая, можно сказать щегольская батарея, съ развѣвавшимися на ней флагами съ обоихъ пароходовъ. Въ особомъ мѣстѣ поставлена была подаренная батарей Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ икона св. Николая Чудотворца; въ средней амбразурѣ устроена палатка для священнодѣйствія, а на траверсѣ приготовлено помѣщеніе для дамъ и гостей. Строители батареи стояли фронтомъ позади ихъ. Начался молебень съ водосвященіемъ. Лишь только священникъ погрузилъ крестъ и пѣвчіе заплѣли „Спаси, Господи, люди Твоя“, со всѣхъ орудій батареи грянуло по три выстрѣла. Послѣ священнодѣйствія начались увеселенія. Позади батареи, на голой скалѣ, устроили изъ парусовъ и тентовъ канонирскихъ лодокъ палатку, въ которой накрытъ былъ обѣденный столъ на сто приборовъ. Едва гости успѣли приняться за супъ, какъ разразился проливной дождь. Несмотря на толщину холста, вода пробивала насквозь; вѣтеръ рвалъ парусину, и большаго труда стоило удержать палатку на кольяхъ. Но этотъ водяной эпизодъ не помѣшалъ общему ходу праздника и даже самому обѣду. Дамы надѣли на себя оперскія пальто, шинели, даже бурки, раскрыли зонтики и продолжали кушать. Дождь, между тѣмъ, скоро пересталъ и погода разгулялась. Послѣ обѣда, когда сняли палатку и приготовили площадку для танцевъ, открылся балъ, продолжавшійся до сумерекъ. Въ одиннадцать часовъ пароходы увезли гостей.

30-го августа, въ день именинъ Государя Императора, данъ былъ другой балъ, по подпискѣ, въ пользу раненыхъ въ сраженіи при рѣкѣ Черной. Въ этотъ день было получено извѣстіе объ оставленіи южной стороны Севастополя. Въ первую минуту грустнаго впечатлѣнія хотѣли отложить празднество; но потомъ разсудили, что это событіе, давно предвидѣнное, не мо-

жетъ омрачить радости по поводу тезоименитства возлюбленнаго монарха. Балъ состоялся и былъ великолѣпенъ. Отъ городскихъ воротъ до зданія искусственныхъ минеральныхъ водъ китайскіе фонари указывали гостямъ дорогу. Кругомъ зданія минеральныхъ водъ горѣла иллюминація. Залу украсили оружіемъ и флагами съ пароходовъ; въ промежуткахъ между оконъ и у дверей стояли тумбы изъ барабановъ и ружей; въ дулахъ ружей горѣли свѣчи, которыя, отражаясь въ штыкахъ, разливали своеобразный свѣтъ. Топоры ратниковъ, лопаты, патронташи и сигнальные рожки въ картинномъ порядкѣ на стѣнахъ образовали фигуры, между которыми горѣли свѣчи въ канделябрахъ. На главной стѣнѣ изъ цвѣтовъ составленъ былъ вензель „А“, окруженный орнаментами изъ оружія, которое опиралось на четыре тумбы изъ ружей, а ружьямъ служили основаніемъ по три барабана. Ниже стояли двѣ пушки, взятые съ парохода. По стѣнамъ, между оружіемъ, мелькали гирлянды изъ цвѣтовъ и флаги. Окна вмѣсто занавѣсей украсились также большими флагами и гирляндами изъ мха. Горшки съ цвѣтами разставлены были вездѣ въ изобиліи. Самый балъ удался какъ нельзя лучше, и жители Выборга много благодарили офицеровъ 1-й дружины, наиболѣе принимавшихъ участіе въ его устройствѣ. На этомъ балѣ начальникъ дружины, генераль-маіоръ Струковъ, вручилъ военному губернатору 1,000 р. сер., въ пользу семействъ раненыхъ при штурмѣ Севастополя.

Но я увлекся воспоминаніями о Выборгѣ. Пора обратиться къ Токсову, гдѣ не очень-то спокойно и хорошо было стоять 1-й дружинѣ въ маленькихъ, вѣчно-дымныхъ чухонскихъ избушкахъ.

Къ счастью, 1-го декабря 1855 года дружина вступила въ С.-Петербургъ для занятія карауловъ и помѣстилась въ казармахъ л.-гв. Коннаго полка.

Усиленные работы въ крѣпости Кронштадтѣ потребовали большаго числа плотниковъ. Первоначально предполагалось нанять ихъ, но потомъ обратили вниманіе на дружины и взяли съ каждой изъ нихъ по 21 плотнику. Впослѣдствіи каждая дружина дала еще по 50 человѣкъ. Имъ назначили задѣльную плату, отлично содержали при учебномъ саперномъ баталіонѣ и при возвращеніи выдали заработныя деньги, которыхъ ратники нашей дружины получили до 6 р. сер. на человѣка.

Во время стоянки въ С.-Петербургѣ, наша дружина, по очереди со 2-ю петербургскою дружиною, ходила въ городской караулъ, давала нѣсколько разъ команды рабочихъ въ арсеналь и артилерійскіе склады и до десяти разъ посылала команды на пожаръ.

6-го января 1856 года дружина участвовала въ парадѣ по случаю водоосвященія. Государь Императоръ, объѣзжая войска, поздоровался и съ нами словами: „здорово, ратники!“, а потомъ, на Адмиралтейской площади, когда войска проходили мимо Его Величества, взводными колоннами, церемоніальнымъ маршемъ, изволилъ похвалить нашу дружину. Начальникъ ея получилъ въ Высочайшемъ приказѣ имянное благоволеніе; всѣ офицеры получили его въ числѣ прочихъ, а ратникамъ, въ строю бывшимъ, пожаловано по 1 р. сер. на человѣка.

15-го января первая дружина выступила въ районъ села Успенскаго на зимнія квартиры. Владѣлецъ села, камеръ-юнкеръ князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, встрѣтилъ дружину съ почетомъ и одарилъ ратниковъ щедро, назначивъ на каждаго стоявшаго въ его деревняхъ по 3 р. сер. въ подарокъ (что по числу 527 человѣкъ составило 1,581 р. сер.). Кромѣ того, на всю дружину князь далъ приварокъ за три мѣсяца— до 1,800 р. сер.

Кстати о пожертвованіяхъ. Кромѣ денегъ принесенныхъ въ даръ княземъ Юсуповымъ и г. Нарышкинымъ (о чемъ я упомянулъ выше), дружина получила, въ разное время, отъ своего начальника, генераль-маіора Струкова, до 2,500 р. сер. Дружинные офицеры собрали между собою до 300 р. сер. на пріобрѣтеніе припасовъ для перевязочныхъ пунктовъ и другихъ медицинскихъ принадлежностей. П. И. Пономаревъ предоставилъ дружинѣ безвозмездно помѣщеніе и внесъ деньгами 120 р. сер. Вас. Гр. Жуковъ также отдалъ свою дачу въ Екатерингофѣ и пожертвовалъ 145 р. сер. А. Л. Пренъ вручилъ на нужды дружины 220 р. сер.

За труды по прекращенію пожара, бывшаго, въ маѣ 1855 г., во время стоянки въ Екатерингофѣ, на лѣсномъ дворѣ Скрибина, 500 ратниковъ, отличившіеся неустрашимостію и усердіемъ, получили отъ страховыхъ обществъ 250 р., отъ петербургскаго оберъ-полицеймейстера 50 р. сер. и отъ начальника дружины 125 р. сер.

Наконецъ, дворянство Петербургской губерніи и прочія со-

словія принесли въ даръ икону, въ серебряномъ окладѣ, св. Николая Чудотворца и Александра Невского, евангеліе, крестъ, кадило, кропильную кисть, дарохранилищницу, ковшъ и тарелку, также серебряные. Все это помѣщалось въ одномъ походномъ ящикѣ и служило при всѣхъ священнодѣйствіяхъ во все время существованія дружины.

На зимнихъ квартирахъ мы простояли недолго. Въмѣсто отправленной въ Выборгъ 3-й дружины, которая занимала караулы въ С.-Петербургѣ, предписано было ввести въ столицу нашу дружину. Мы пришли 12-го марта и расположились въ московскихъ казармахъ, откуда уже не выступали болѣе.

VI.

Высочайшій смотръ, по заключеніи мира, всѣхъ наличныхъ дружинъ государственнаго ополченія. — Расформированіе 1-й дружины.

18-го марта 1856 года подписанъ былъ мирный трактатъ въ Парижѣ; 5-го апрѣля сосголся указъ правительствующему сенату о приведеніи въ дѣйствіе высочайше утвержденнаго того же числа положенія о роспускѣ ополченія. Въ особомъ высочайшемъ приказѣ, Монархъ благодарилъ всѣхъ чиновъ ополченцевъ за службу и всѣмъ даровалъ, въ память этой службы, крестъ, подъ знаменемъ котораго всѣ сословія русской земли готовы были лечь костью, какъ въ славный 1812 годъ, когда врагъ мечталъ поработить насъ....

Расформированіе первой дружины должно было начаться 24-го апрѣля, во вторникъ Троицкой недѣли. Между тѣмъ, Государю Императору благоугодно было осчастливить наличныя дружины высочайшимъ смотромъ. Этотъ смотръ — одна изъ знаменательныхъ страницъ въ лѣтописяхъ ополченнаго войска: прощаясь съ восемью дружинами, Государь благодарилъ въ лицѣ ихъ все государственное ополченіе Россійской имперіи.

21-го апрѣля, въ субботу на Святой недѣлѣ, восемь дружинъ: с.-петербургскаго ополченія №№ 1, 2, 3 и 5, стрѣлковья олонцакаго ополченія №№ 1 и 2 и вологодскаго №№ 3 и 4, были построены на Марсовомъ полѣ, дивизионными колоннами, въ двѣ линіи: стрѣлковья дружины въ первой, прочія во второй. Всѣми дружинами командовалъ, за болѣзнію генералъ-лейтенанта Зурова, начальникъ первой дружины, генералъ-маіоръ Струковъ. Въ часъ пополудни Государь Императоръ изволилъ прибыть и, по выслушаніи рапорта командо-

вавшаго дружинами, объѣхалъ объ линіи и здоровался съ ратниками. Затѣмъ дружины проходили церемоніальнымъ маршемъ подивизионно. Когда онѣ прошли въ первый разъ и перестроились во взводныя колонны, Его Величество подъѣхалъ къ срединѣ и благодарилъ ополченцевъ за службу. При прохожденіи во второй разъ, дружины снова удостоились услышать царское, дорогое „спасибо“. На срединѣ площади, Государь Императоръ подозвалъ всѣхъ офицеровъ-ратниковъ и, обращаясь къ нимъ, сказалъ: „Очень радъ, господа, что имѣю случай лично васъ благодарить за вашу службу. Увѣренъ, что и на новомъ поприщѣ вы будете такъ же хороши, какъ здѣсь были, и если бы обстоятельства потребовали, то съ такимъ же усердіемъ явитесь по призыву, какъ въ нынѣшній разъ. Прощайте. Благодарю!“ На столь милостивое слово не нашлось отвѣта; слезы и глубокое молчаніе — выраженіе сердечнаго волненія и умиленія — свидѣтельствовали о чувствахъ всѣхъ присутствующихъ....

По отъѣздѣ Его Величества, отъ 1-й дружины отдѣлился взводъ для относа знаменъ всѣхъ четырехъ бывшихъ на смотру дружинъ с.-петербургскаго ополченія въ церковь св. Исаакія Далматскаго, что въ Адмиралтействѣ, гдѣ знамена должны были, по высочайшему повелѣнію, храниться до окончательной отдѣлки Исаакіевскаго собора.

На другой день въ высочайшемъ приказѣ объявлена была благодарность Его Величества всѣмъ бывшимъ на смотру; ратникамъ пожаловано по рублю серебромъ.

24-го апрѣля главнокомандующій гвардейскими и гренадерскими корпусами, генералъ-адъютантъ графъ Ридигеръ, отдалъ слѣдующій приказъ по корпусамъ:

„Ратники! готовность, съ которою, по слову Государя, взяли вы за оружіе и собрались подъ знамена ополченія, дала всѣмъ надежду, что и при встрѣчѣ съ непріателемъ вы не останетесь предъ опасностію. Обстоятельства войны только немногимъ изъ васъ доставили случай выказать свое мужество. Но тѣмъ не менѣе вашею службою вы не только оправдали, а превзошли тѣ надежды, которыя Государь и Россія возлагали на васъ. Вы показали доблести, высшія самой храбрости. Вы не ослабили въ трудахъ, которые служба налагала на васъ; вы безропотно переносили лишения, безпрекословно подчинялись всѣмъ правиламъ военной дисциплины; однимъ

словомъ, всегда и вездѣ честно исполняли долгъ вашъ. Примите же искреннее спасибо отъ стараго война, который заботливо слѣдилъ за вашею службою и счастливъ тѣмъ, что во все продолженіе ея утѣшался вашею ревностію къ исполненію долга.⁴

Въ этотъ же день, въ десять часовъ утра, во дворъ Московскихъ казармъ, гдѣ стояла наша дружина, отслуженъ былъ благодарственный молебень; ратники построены были въ каре; всѣ штабъ и оберъ офицеры находились въ срединѣ. Священникъ сказалъ краткое, но прекрасное слово, въ которомъ выразилъ, какъ великъ былъ и труденъ подвигъ, который Господь сподобилъ насъ совершить; обошелъ ряды и окропилъ ратниковъ святою водою. Затѣмъ начальникъ дружины простился съ ратниками, поблагодарилъ за службу ихъ и всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей дружины....

Въ этотъ день въ послѣдній разъ были ратники въ строю съ ружьями.

25-го апрѣля, начался роспускъ ратниковъ. Увольненіе производилось слѣдующимъ порядкомъ:

Въ домъ начальника дружины, генераль-маіора Струкова, ратники приводились по частямъ. Довѣренныя отъ сословій и помѣщиковъ, назначенныя для приѣма ратниковъ, помѣщались около стѣны залы; противъ нихъ, у перваго стола, сидѣли начальникъ дружины и исправляющій должность с.-петербургскаго уѣзднаго предводителя дворянства. Передъ послѣднимъ лежали готовые увольнительныя свидѣтельства. Онъ вызывалъ ратника и передавалъ свидѣтельство начальнику дружины, который по роспускной денежной книгѣ объявлялъ ратнику, сколько ему причитается отъ дружины денегъ. Затѣмъ еще разъ спрашивали ратника, нѣтъ ли у него, за время служенія въ дружинѣ, какихъ-либо претензій и не желаетъ ли онъ поступить на службу. Получивъ свидѣтельство, ратникъ переходилъ къ другому столу и принималъ отъ своего ротнаго командира слѣдующія ему деньги. У третьяго стола его удовлетворяли невыданными вещами, и, наконецъ, на четвертомъ столѣ онъ давалъ собственноручную подписку въ полученіи денегъ, свидѣтельства и вещей. Приемщикъ тутъ же росписывался въ приѣмъ ратника.

Въ увольнительныхъ свидѣтельствахъ прописывалось: когда, изъ какого сословія ратникъ вступилъ на службу въ опол-

ченіе, все прохожденіе службы въ дружинѣ; производство, походы; вѣроисповѣданіе, семейство. Въ заключеніе объяснялось, что онъ имѣетъ право носить крестъ ополченія на форменной фуражкѣ.

Выданные въ 1855 году на ратниковъ вещи и матеріалы отъ сословій и казны были розданы сполна. По сроку 1856 года приняты были холсты на три рубахи и нижнее бѣлье (двѣ штуки) на каждаго; сукно для сѣрыхъ походныхъ армяковъ; сукно для галстуховъ, сапожный товаръ и къ нему головки; сѣрые армяки успѣли сшить и раздать; галстухи также были готовы, но розданы не всѣмъ; сапоги ратники получили всѣ, а головокъ нѣкоторые не получали. Рубашки и нижнее бѣлье, за переходами и служебными обязанностями дружины, не могли быть сшиты. Потому каждому увольняемому ратнику выдавался холстъ на бѣлье по положенію, а галстухи и головки къ сапогамъ получили тѣ, которымъ эти вещи еще не были выданы.

Денежная статья въ первой дружинѣ была блистательная. При роспускѣ, на 1,071 ратника и кадровыхъ роздано 12,713 рублей 53 копѣйки, что составляетъ, круглымъ числомъ, на человѣка до 12 рублей серебромъ. Сумма эта образовалась изъ слѣдующихъ источниковъ:

а) *Личныя суммы.*

1) Высочайше пожалованные по 1 рублю серебромъ на ратника за парадъ при водоосвященіи 6-го января (757 руб.) и за смотръ 21-го апрѣля (818 руб.).

2) Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ подарилъ на каждаго ратника, стоявшаго на зимовыхъ квартирахъ въ его деревняхъ, по 3 руб. сер., что, по числу 527 ратниковъ, составило 1,551 рубль сер.

3) Во время работъ 1-й и 2-й ротъ дружины на островѣ Равенсари, подъ Выборгомъ, военный губернаторъ назначилъ имъ на возобновленіе сапоговъ, пришедшихъ въ ветхость отъ песчаного грунта, по 160 руб. сер. на роту. Такъ какъ тогда имѣлся еще въ запасѣ сапожный товаръ, то деньги израсходованы не были.

б) *Ротныя экономическія.*

Благоразумнымъ распоряженіемъ ротныхъ командировъ и завѣдывающихъ командами составлялась ежемѣсячно экономія отъ продовольствія ротъ и командъ. Деньги эти хранились въ

особыхъ пакетахъ, въ денежномъ ящикѣ дружины, и къ роспуску составили сумму въ 5,281 рубль 82 коп. сер. Онѣ распределены были поровну между всѣми, состоявшими въ ротахъ и командахъ, по списку ко дню роспуска ратниками и кадровыми.

в) *Дружинныя экономическія.*

Всего 3,985 руб. 71 коп. По числу ратниковъ и кадровыхъ (1,071 человекъ) выдано было по 3 руб. 72 коп. сер. на каждого. Деньги эти образовались:

1) Изъ подаренныхъ княземъ Н. Б. Юсуповымъ, взамѣнъ приварка, за зимнюю стоянку дружины въ его деревняхъ, 1,781 рубль 50 коп.

2) На шитье различныхъ предметовъ обмундированія на 1856 годъ отпущено было 1,069 р. 91 к.; а какъ вещи сшиты были хозяйственнымъ образомъ, то деньги остались въ экономіи.

3) Оставшіеся отъ пожертвованныхъ на нужды дружины разными лицами 625 р. сер.

4) Вырученные отъ продажи, на основаніи высочайше утвержденного положенія о роспускѣ ополченія, ротныхъ телѣгъ, лошадей и котловъ 509 р. 30 к.

Ратники просили, чтобы, при выдачѣ имъ на руки денегъ, копѣйки были отброшены и удержаны для отсылки въ пользу раненыхъ. Такихъ денегъ отправлено до 200 р. сер., и кромѣ того почти столько же отчислено отъ продажи различныхъ вещей, сдѣланныхъ для дружины корпусомъ офицеровъ.

Всего принято было въ первую дружину ратниковъ изъ разныхъ сословій 1,077. Во время существованія дружины умерло 57 человекъ (съ 14-го марта 1855 года по 26-е апрѣля 1856 года); уволено изъ дружины непосредственно 967 человекъ; 53 человекъ находились, во время роспуска, въ госпиталѣ.

27-го апрѣля окончены были всѣ сношенія по роспуску ратниковъ.

28-го произведена продажа, съ публичнаго торга, дружиннаго обоза, лошадей и инструмента. Вырученные деньги, 1,228 р. 85 к. сер., представлены въ военное министерство для причисленія къ особому капиталу ополченія.

29-го апрѣля рассчитаны и снабжены всѣми вещами 51 состоявшіе въ дружинѣ кадровые нижніе чины.

2-го мая начальникомъ дружины представлены были генералъ-адъютанту Демидову всѣ свѣдѣнія по роспуску ея, а также документы штабъ и оберъ-офицеровъ для отдачи въ высочайшихъ приказахъ объ увольненіи ихъ отъ службы въ ополченіи.

Съ штабъ и оберъ-офицерами дружины генералъ-майоръ Струковъ простился въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„По призыву Царя и Отечества, я бросилъ домъ, семью и сталъ ратникомъ. Нынѣ, по минованіи нужды въ насъ, окончивая служеніе въ ополченіи, какъ имѣвшій счастье во все время быть начальникомъ 1-й дружины, долгомъ себѣ поставлю обратиться къ вамъ, гг. штабъ и оберъ-офицеры 1-й дружины с.-петербургскаго государственнаго подвижнаго ополченія, какъ къ моимъ сотрудникамъ усердія къ службѣ, трудовъ и храбрости при бомбардированіи острова Равенсари.

„Примите отъ русской теплой моей души послѣднюю задушевную благодарность за безпредѣльное ваше усердіе, за ваше рвеніе къ службѣ, за стойкость подъ непріятельскимъ огнемъ и за содѣйствіе мнѣ къ достиженію воли Его Императорскаго Величества.

„Если я успѣлъ и могъ заслужить ваше вниманіе ко мнѣ, то наградите—сохраните меня въ вашей памяти; а дарованный намъ Царемъ крестъ будетъ руководителемъ нашей жизни.

„Прощайте, товарищи бывшей 1-й дружины ополченія!“

С.-Петербургъ.

Августъ 1856 года.

Десять лѣтъ пролежали мои „Воспоминанія“ подъ спудомъ. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Россія 1866 года не похожа на Россію 1856 года. Многое измѣнилось и въ жизни автора: бывший ополченецъ съ 1862 года посвятилъ себя общественной дѣятельности (служить городскимъ головой въ городѣ Ростовѣ-на-Дону). Много было пережито въ это время тяжелыхъ и грустныхъ минутъ; но и подъ гнетомъ ихъ воспоминаніе о службѣ въ ополченіи оставалось самымъ отраднымъ.

„Лучше позже, чѣмъ никогда“. Это изреченіе народной мудрости побудило меня напечатать „Воспоминанія“, какъ матеріалъ для исторіи труднаго и славнаго времени, пережитаго Россією десять лѣтъ тому назадъ. Если бы моему примѣру послѣдовали адъютанты другихъ дружинъ (говорю объ адъю-

тантахъ потому, что въ ихъ распоряженіи были всѣ нужные матеріялы), то судьбы государственнаго подвижнаго ополченія были бы извѣстны во всей подробности и представили бы не мало поучительнаго и любопытнаго.

Не могу, въ заключеніе, не упомянуть съ самымъ теплымъ чувствомъ о тогдашнемъ начальникѣ штаба гвардейскаго корпуса, генераль-адъютантъ графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ. Къ намъ, ополченцамъ, онъ былъ чрезвычайно внимателенъ и много заботился о насъ. Ему въ особенности мы обязаны были быстрымъ сформированіемъ дружины и возможностью скорого выступленія ея въ походъ. Какъ адъютанту дружины, расположенной съ самаго сформированія въ С.-Петербургъ, мнѣ это извѣстно ближе другихъ, и если я не вдаюсь въ подробности, то только потому, что не считаю себя на это вправѣ безъ дозволенія графа Эдуарда Трофимовича.

Андрей Байковъ.

Г. Ростовъ-на-Дону.

17-го сентября 1866 года.